

ПОКОЙ.

Не спится. Думается.

На окнѣ забыли спустить штору и сквозь запотѣвшее стекло мутно блѣтается свѣтлая, холодная, осенняя ночь.

Не видишь, но знаешь: высоко-высоко забрался мѣсяцъ и залилъ свѣтомъ всю усадьбу. Свѣтло въ цвѣтникѣ съ опустошенными взрытыми клумбами, съ круглымъ бассейномъ, въ которомъ тонкимъ ледкомъ задернуло воду. Свѣтло на дорогѣ, надъ которой стоятъ пушистыя, полупрозрачныя лиственницы и съ тихимъ звономъ роняютъ свои золотыя иголки на мерзлую землю.

Свѣтло на выгонѣ за воротами, гдѣ около забора стоитъ бѣлая скамейка подъ ярко-бѣлой березой и ложатся черныя тѣни по побѣлѣвшей отъ мороза травѣ. Свѣтло на дворѣ, гдѣ все окна и двери службъ закрыты, и крѣпко спитъ ярко освѣщенный луной сторожъ Дмитрій, сидя на ступенькѣ крыльца и плотно завернувшись въ чуйку. Выше, на крыльцѣ, спятъ собаки. Всюду свѣтло, тихо и неподвижно.

Не спится. Думается.

Въ комнатѣ слишкомъ жарко натопили печь. Отъ нея пышетъ. Какая-то безпокойная муха носится по комнатѣ и жужжитъ. Подъ умывальникомъ скребется мышь, а среди пола неподвижно лежитъ какой-то маленькій темный комочекъ. Что это? Не поймешь.

И вдругъ въ тишину врывается далекій, длительный, гармоничный звукъ и вслѣдъ за нимъ постепенно нарастаетъ что-то тревожное и все близится, все усиливается. Въ свѣтлое пятно окна ничего не видно, но кажется, что вся ночь потрясена и что золотыя иголки лиственницы уже не каплютъ, какъ роса, а льются шумнымъ водопадомъ.

Но тревожное начинаетъ спадать, затихать, удаляться. Это прошелъ ночной поѣздъ, проскользнулъ темной змѣйкой среди залитыхъ луннымъ свѣтомъ спокойныхъ, тапнетвенныхъ полей. Замедлилъ ходъ у полустанка, зябко дремлющаго у опушки лѣса и, тусклый, сонный, переполненный тусклыми сонными людьми, покатился дальше.

Пріятно чувствовать себя дома, въ своей постели, а не въ вагонѣ, гдѣ тѣсно, душно, гдѣ плачетъ ребенокъ, кашляетъ старуха и непрерывно, рѣзко хлопаетъ дверь.

Но не спится. Думается.

Нельзя забыть, что это послѣдняя привычно-одинокая ночь. Завтра, въ эту же пору, почной поѣздъ не промчится мимо безслѣдно: когда его тревожный шумъ начнетъ спадать, затихать, удаляться, на платформѣ полустанка, у опушки лѣса, останется какая-то тѣнь прошлаго, съ незнакомымъ забытымъ лицомъ. Что она скажетъ? Что она сдѣлаетъ? Какъ она объяснитъ свой пріѣздъ?

Какъ она потомъ войдетъ въ этотъ домъ, который не видалъ ее больше 20-ти лѣтъ? За этотъ срокъ измѣнилась вся жизнь. Теперь въ этомъ большомъ домѣ всѣ комнаты, кромѣ этой, пусты. Нѣтъ матери. Умерла и Вѣрочка, жена. Были дѣти, не стало и дѣтей: выросли, разбрелись... Только за перегородкой въ передней, на сколоченной изъ досокъ кровати, попрежнему спитъ старый Савельичъ, а у изголовья его, на столѣ, разбросаны платиныя и сапожныя щетки и стоитъ открытая банка съ ваксой. Савельичъ рассказываетъ, что каждую ночь по его головѣ бѣгаютъ крысы и такъ гремятъ посудой, которую онъ, немытой, оставляетъ на ларѣ, что приходится думать, что это не просто крысы, а какъ бы знаменіе. Не было бы въ домѣ бѣды! Такихъ смѣлыхъ крысъ еще никогда не бывало.

И вотъ завтра, въ эту же пору, неизвѣстно зачѣмъ и почему, прямо съ прекраснаго, далекаго юга, пріѣдетъ почти забытая, почти незнакомая особа: сестра Елена.

Но что же это лежитъ среди пола? что-то темное, маленькое, неподвижное? Надоѣло догадываться и приходится чиркнуть спичкой и посмотреть.

Увядшая, потемнѣвшая отъ мороза, мертвая астра...

Ляля сама наливаетъ себѣ чай и руки ея дрожать. Она въ дорожномъ костюмѣ удивительно пзящнаго покроя и такъ молода, красива, бѣлокура и стройна, будто ей не переставало быть 20 лѣтъ. Она рассказываетъ брату о томъ, какъ много она путешествовала, сколько интереснаго видѣла, а онъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ и съ раздраженіемъ чувствуетъ стыдъ за свою наружность, за свой костюмъ, за то, что домъ запущенъ и неопрятенъ, самоваръ давно не чищенъ, а Савельичъ возмутителенъ съ ногъ до головы. Все, что говоритъ сестра, раздражаетъ его и мучитъ, какъ скрытый упрекъ. Конечно, даже для своихъ лѣтъ, онъ слишкомъ постарѣлъ, опустился. Но сознаетъ это въ первый разъ.

— Ну, а я...—говоритъ онъ и натянуто улыбается,—я бы въ твоей заграничѣ и дня не могъ бы прожить. Ты меня извини, но я бы не могъ.

Она кротко удивляется.

— Но почему?

— Да не симпатично мнѣ это, не по нутру, лживо, напыщенно, пошло, пусто...

Онъ такъ мучительно волнуется, что плохо владѣетъ собой и ему самому противно, что онъ такъ нервенъ, не сдержанъ и, какъ ему кажется, неопрятенъ, какъ Савельичъ.

Сестра не понимаетъ и виновато улыбается. Она и робка, какъ дѣвочка. На полустанкѣ она чего-то испугалась. Испугалась пустоты, тишины, мертвепаго луннаго свѣта. Всю дорогу до дома ѣхала и дрожала. И теперь она пугливо оглядывается и настороженно прислушивается.

— Что это?

Пересвѣтъ и Осляба

В. М. Васнецовъ.
Пересвѣтъ и Осляба.

— Савельичъ что-нибудь уронилъ.

— А теперь?

— Собака лаетъ.

Брату хочется сказать сестрѣ. «Сдѣлай одолженіе, презирай меня, презирай!» И бесѣда тянется вяло и пятапуто, а послѣ чая онъ сейчасъ же ведетъ гостью въ ея комнату.

Тамъ горитъ только одна свѣча. Пламя колыхается, и по голымъ стѣнамъ пляшутъ уродливыя тѣни. Неуютно и пусто.

Онъ замѣчаетъ на полу дорогія дорожныя вещи и вдругъ вспоминаетъ, что не позаботился о прислугѣ: кромѣ Савельича, по обыкновенію, никого нѣтъ.

— Обойдешься сегодня безъ горничной?—угрюмо спрашиваетъ онъ.— Знаешь, жизнь моя несложна... Забываю, что для другихъ далеко не такъ просто одѣться, раздѣться, поѣсть. Ты меня извини.

— Что ты! Зачѣмъ? Я не хочу причинять тебѣ никакихъ хлопотъ,—торопливо отвѣчаетъ Елена. И стоитъ среди комнаты растерянная, оглядывается, прислушивается.

— Чья это была комната?—спрашиваетъ она.—Вообрази, забыла.

Но вдругъ на лицѣ ея изображается ужасъ.

— А здѣсь пѣтъ мышей? Кажется, въ деревнѣ осенью всегда мыши?

Послѣ ухода брата она нерѣшительно подходитъ къ окну, поднимаетъ занавѣску и смотритъ.

Высоко забрался мѣсяцъ съ едва замѣтнымъ ущербомъ и залилъ свѣтомъ всю усадьбу. Пустой цвѣтникъ похожъ на кладбище съ свѣжими могилами, еще не обложенными дерномъ. Неподвижны прозрачныя деревья. Надъ дорогой подѣзда стоятъ стройныя пушистыя лиственницы и кажется, что на ихъ верхушкахъ вдали разсыпаны звѣзды. Какая-то бѣлая фигура медленно-медленно идетъ по этой аллеѣ...

Съ испугомъ задерживаетъ она занавѣску, опять оглядывается, прислушивается и въ изнеможеніи падаетъ на кровать.

День ясный и холодный. Воздухъ такъ прозраченъ, что видно, какъ блеститъ крестъ на церкви сосѣдняго села. Ворона въ саду, завозившись на деревѣ, обламываетъ и роняетъ на землю сухую вѣтку и кричитъ «кра-а». Дядя, которая стоитъ на балконѣ, вздрагиваетъ отъ испуга и смѣется.

— Прекрасно!—говоритъ она брату.—Нѣтъ, правда, прекрасно!

Онъ беспокоится о томъ, что ей не удалось отдохнуть. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ пораженъ ея худобой, ея хрупкостью, ея болѣзненнымъ видомъ. Наканунѣ ему казалось, что она почти не перемѣнилась, теперь онъ видитъ, что перемѣна ужасная, что сестра, дѣйствительно, только тѣнь прошлаго.

Вся она закутана въ длинное, драпированное манто и мѣха и все-таки, дрожитъ отъ холода.

— Пройдемся?—предлагаетъ онъ ей и съ безпокойствомъ спрашиваетъ.

— Ты можешь ходить?

Она осторожно спускается по ступенямъ балкона.

— Какъ это странно и неестественно—такой просторъ,—говоритъ она и смѣется. —Миѣ все хочется спросить: гдѣ же люди? Что случилось, что нѣтъ людей?

И замѣтивъ, что братъ отвернулся и нахмурился, она спохватывается и лицо ея принимаетъ робкое, вповатое выраженіе.

— Ты расскажешь мнѣ про всѣхъ?—вкрадчиво проситъ она.—Развѣ я могла не помнить и не любить... вдали? И я оплакивала твои... наши потери не меньше, чѣмъ сдѣлала бы это здѣсь, Вася.

Братъ хмурится и молчитъ. Она чувствуетъ, что опъ не вѣритъ ей и знаетъ, что онъ правъ, но ей это больно и обидно.

А онъ идетъ рядомъ съ ней, угрюмый, связанный въ каждомъ своемъ движеніи отъ сознанія, что опъ не одинъ, отъ непривычки къ обществу, отъ недовольства собой, отъ неловкости за себя, и въ его дунѣ тоже боль и обида. Отчего онъ связанъ и неловокъ? Съ самаго пріѣзда сестры онъ, почему-то, утратилъ свое спокойствіе, взглянулъ па себя и на все окружающее другими глазами и все осудилъ. Онъ привыкъ къ своей жизни въ одиночествѣ и въ этой жизни была тишина, свобода, отрѣшенность отъ окружающаго и какая-то своеобразная, но глубокая и почти радостная полнота. Съ пріѣзда сестры онъ самъ замѣчаетъ только неоприятность, распушенность, одичаніе своей жизни и боль, стыдъ и раздраженіе въ своей душѣ. Будто и самой души не стало совсѣмъ, а остался какой-то болѣзненный и истрепанный комокъ нервовъ и вотъ лежитъ опъ въ груди и болитъ. И нѣтъ привычныхъ чувствъ, нѣтъ привычнаго настроенія. Все нарушено и уничтожено ея же присутствіемъ, а она не можетъ не осудить его и не жалѣть. Какъ сказать ей, что она не имѣетъ права осуждать и жалѣть?

Они идутъ по длинной аллеѣ сада и желтые, сухіе листья шуршатъ подъ ихъ ногами. Чтобы не молчать, онъ рассказываетъ ей о тѣхъ, кого не стало, а она плачетъ. Плачетъ тихо, беззвучно, стыдливо вытирая слезы и, зная, что онъ не понимаетъ этихъ слезъ, не вѣритъ имъ.

Въ концѣ сада они останавливаются и долго стоятъ молча и смотрятъ. Надъ пашней летятъ грачи, а далеко, по черной дорогѣ, тащится обозъ. Его еле видно, потому что онъ далеко, но ясно слышно, какъ скрипятъ колесо и какъ перекликаются голоса мужиковъ. А на самомъ горизонтѣ стоитъ лошадь и ея силуэтъ такъ четокъ, точно онъ нарисованъ па фопѣ неба.

Ляля не понимаетъ, зачѣмъ они тутъ стоятъ и на что смотрятъ. Все пусто, безцвѣтно, безжизненно, уныло... Она утомилась и охотно присѣла бы гдѣ-нибудь на солпышкѣ, на припекѣ. Она робко оглядывается на брата и въ первый разъ видитъ па его лицѣ выраженіе спокойной, ясной задумчивости. Онъ какъ будто забылъ, что не одинъ. Отъ этой отчужденной ясности неприятно, даже немного жутко. О чемъ можно думать съ такимъ лицомъ?

Но коротки осенніе дни.

Вечеромъ въ столовой трещитъ каминъ. Лампу не зажгали.

Ляля, закутанная въ мѣха, лежитъ па кушеткѣ и лицо ея нылаетъ отъ лихорадки и отъ отблеска огня.

Ей опять страшно: гдѣ она? Зачѣмъ? До чего чуждо ей все кругомъ, и этотъ братъ, и этотъ домъ, и эта мертвая тишина усадьбы...

Ей представляется, что она можетъ разболѣться здѣсь и умереть и тогда сердце ея замираетъ отъ ужаса. Это не мысль, а кошмаръ. Ей хочется вкочить, спастись бѣжать... И она не можетъ постичь, какъ она могла рѣшиться па эту поѣздку и не можетъ повѣрить, что ей еще удастся вырваться отсюда и вер-

путься къ своей прежней, привычной жизни. Вернуться, хотя бы не на долго, хотя бы на годъ, на мѣсяць, даже на нѣсколько дней.

Ея братъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ за ея спиной и говоритъ. О чемъ онъ говоритъ—она не слышитъ. Это тоже чуждо, непонятно и страшно. Уже за обѣдомъ, который и готовилъ и подавалъ Савельичъ, и къ которому она едва могла прикоснуться отъ отвращенія и безгливости, онъ началъ объяснять ей, что для него вся обстановка жизни только бремя, которое онъ съ облегченіемъ сбросилъ съ плечъ. Теперь онъ одинокъ и имѣетъ право жить такъ, какъ ему хочется и какъ ему пріятно, а пріятно ему не зависѣтъ ни отъ чего окружающаго, освободить свою душу отъ мелочей. Онъ пытался доказать ей, что онъ нашелъ какой-то необычайный, завидный исходъ, при которомъ все горе жизни, все ея неудачи, обиды и даже страданіе и одиночество обращаются въ покой и радость, что этотъ исходъ доступенъ всеѣмъ и не только доступенъ, но и необходимъ и что, если старость людей не самое прекрасное время жизни, то только оттого, что люди не хотятъ этого исхода, боятся его, какъ предвѣстника смерти и неестественно кончаютъ жизнь, не отрѣшившись отъ нея, не освободивъ отъ ея путь своей души. И вотъ онъ опять говоритъ-говоритъ и что-то оправдываетъ и что-то доказываетъ и защищаетъ, а Ляля все кажется, что онъ сейчасъ, въ отчаянш, ударится головой о стѣпу и закричитъ, что и такая боль—наслажденіе.

Дрова трещать въ каминѣ, лицо горитъ и сердце начинаетъ колотиться сперва сильно и медленно, потомъ все скорѣй и скорѣй... Невозможно больше оттягивать рѣшительную минуту. Надо сейчасъ же, немедленно сдѣлать то, зачѣмъ она сюда пріѣхала, а завтра, съ первымъ же поѣздомъ, бѣжать, спастись... Еще одинъ такой день и, пожалуй, будетъ поздно.

И, прерывая его, она тихо, робко зоветъ:

— Вася!

— Радости жизни,—говоритъ онъ,—должны соответствовать возрасту людей, и тѣ радости, которыя уже не соответствуютъ, метятъ за себя и даютъ только муку и въ этомъ указаніе и путь. Книги, мысли, природа, тишина...

— Вася!

Его голосъ и шаги сразу смолкаютъ.

— Слушай! — говоритъ Ляля прерывающимся отъ волненія голосомъ.— Вотъ что мнѣ надо тебѣ сказать... Вотъ зачѣмъ я пріѣхала...

Онъ неподвиженъ, а она долго и съ трудомъ переводитъ дыханіе.

— Я знаю и не обманываю себя,—вдругъ твердо говоритъ она,—мнѣ очень недолго жить. Можетъ быть, и ты видишь? Я очень больна...

Она умолкаетъ, а онъ идетъ на цыпочкахъ и осторожно садится у ея ногъ. Огонь изъ каминна теперь освѣщаетъ его лицо и оно серьезно и строго.

— Видишь?—замирающимъ отъ страха и надежды голосомъ спрашиваетъ она.

Онъ медленно киваетъ головой.

— Вижу.

Ей становится душно и она откидываетъ мѣхъ на груди, и, поднявъ глаза къ потолку, видитъ, какъ прыгаютъ и извиваются по немъ безпокойныя тѣни.

— Ляля! Можетъ быть я не правъ, что такъ прямо и откровенно отвѣтилъ?—спрашиваетъ братъ.

— Все равно,—тоскливо отвѣчаетъ она.—Даже... тѣмъ лучше. Легче просить... Слушай: дашь ты мнѣ денегъ? столько, сколько мнѣ надо до моей смерти? Не бойся, не такъ ужъ много... Я тебѣ верну.

Онъ удивленно поднимаетъ голову и глядитъ на нее.

— Я тебѣ верну,—нетерпѣливо продолжаетъ она.—Я прожила все, все, кромѣ своихъ драгоценностей, но вещей у меня много. Одно мое кольцо... Я напишу духовное завѣщаніе... Я могла бы все продать, или даже заложить и мнѣ бы хватило... Но, пойми, я не могу съ ними разстаться. Это была бы уже не жизнь.

— Это была бы уже не жизнь?—переспрашиваетъ онъ.

— О, конечно! Ну, да... ты не поймешь. Но вѣдь я говорю не о твоей жизни, а о своей. Вѣрь.

И поднимаясь и роняя на полъ свои мѣха, она протягиваетъ къ нему руки и молить.

— Вася, не откажи мнѣ! Слушай: мнѣ такъ мало осталось жить и то, что осталось, теперь для меня такъ дорого, такъ... необходимо. Такъ жадно мнѣ хочется жить, Вася! и жить красиво, жить такъ, какъ я умѣю, какъ я люблю. Никогда, понимаешь ли, никогда, никогда мнѣ не было такъ дорого каждый день, каждый часъ, п если бы ты зналъ, о, если бы ты зналъ...

Она закрываетъ лицо руками и плачетъ, но въ этихъ слезахъ что-то непонятно поражаетъ и отталкиваетъ ее брата. Такъ не плачутъ отъ скорби или страха смерти.

— Что,—если бы я зналъ?—глухо спрашиваетъ онъ.

— Какъ прекрасна жизнь!—со вздохомъ упоенія отвѣчаетъ она.—Ты не можешь знать... Многие не знаютъ... У людей часто... эта суровость, сухость... будни эти, даже въ любви, требовательность и къ себѣ и къ другимъ, правила... Я не знаю, что! Все это мѣшаетъ, блѣднитъ жизнь. Вотъ ты говоришь возрастъ... Но если я, въ своемъ возрастѣ, умѣю такъ жить, какъ никогда не умѣла? Если я, даже благодаря своему возрасту и опыту, создала пзъ своей жизни новую красоту и радость, о которой раньше не имѣла понятія? Я всегда любила роскошь, но почему-то я только окружала себя ею, пользовалась ею. Теперь я создаю ее. Это непонятно? У меня своя роскошь, неотдѣлимая отъ меня, слитая со мной. Но развѣ ты не понимаешь, что она была бы мертва, холодна безъ любви? И меня любятъ и я люблю. Это сказка! это волшебный сонъ! И когда я умру, это не смерть придетъ, безобразная, отвратительная,—это порвется струна... Ахъ, только бы скорѣй, скорѣй пазадъ! Боже мой, подумать, какъ я далеко!—Она нагибается, поднимаетъ съ полу свои мѣха, опять закутывается въ нихъ и большими блестящими глазами глядитъ на огонь.

Братъ сидитъ у нея въ погахъ, сгорбленный, поникшій, съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Боже мой, какъ я далеко!—съ ужасомъ повторяетъ Ляля и вдругъ страшное безпокойство еще шире раскрываетъ ее глаза.

— Но ты завтра отпустишь меня? Ты пообѣщаешь мнѣ денегъ и вышлешь ихъ? Ты обѣщаешь? да?

Онъ молчитъ.

— Ты, можетъ быть, не вѣришь мнѣ, что все мои драгоценности цѣлы? Но часть ихъ здѣсь, со мной. Я не могла привезти все, я боялась. Что сдѣлать, чтобы ты мнѣ вѣрилъ? Мнѣ раньше не приходило въ голову, что ты можешь мнѣ

не повѣрить. Ты скажи мнѣ все, что ты хочешь и какъ ты хочешь. Но не думаешь же ты, что я обманываю? У меня состояніе въ драгоцѣнностяхъ. Понимаешь? состояніе! Я могу написать завѣщаніе. Что я могу еще?

Опъ молчитъ.

— Вася! — испуганно, съ отчаяніемъ и мольбой тихо говоритъ она. — Неужели ты мнѣ откажешь? Тогда убей меня лучше сейчасъ. Тогда ужъ лучше убей... Вернуться мнѣ тогда нельзя.

Она вся дрожитъ.

Въ домѣ мертвенно тихо и только вдали слышенъ какой-то неясный шорохъ. Это гдѣ-то возится или Савельичъ, или крыса.

Въ каминѣ съ шумомъ разваливается обгорѣвшее полѣно и нѣсколько красныхъ угольковъ падаетъ на полъ, на желѣзный щитъ.

Ляля такъ скована ужасомъ, что у нея уже нѣтъ силъ говорить. Она медленно поворачиваетъ голову и зарывается лицомъ въ подушку. Но всеѣмъ существомъ своимъ она прислушивается, чутко и жадно.

— Я не могу еще опомниться, и понять, — наконецъ глухо говоритъ ея братъ. — Ты сейчасъ говорила о сухости и суровости. Я не хочу быть ни суровымъ, ни сухимъ, ни даже... требовательнымъ. Осудить тебя?... Нѣтъ! ты не думай. Но я хочу только убѣдиться: я вѣрно понялъ смыслъ? Ты ждешь своей смерти, скоро, очень скоро, и для нея тебѣ нужны мишура, ложь, угаръ, опьяненіе? Ты считаешь смерть безобразной и отвратительной и хочешь нарядить ее въ тѣ же пестрые тряпки, которыми ты украшала свою жизнь? Обманешь ли ты себя, Ляля? Быть можетъ, послѣдній взглядъ человѣка, брошенный на этотъ міръ, произвольно открываетъ ему ту истину, которую онъ никогда не хотѣлъ видѣть и знать. Что ты тогда увидишь? Какой ужасъ ты испытаешь и унесешь? Можетъ быть, ты не думала объ этомъ? Можетъ быть... не такъ жестоко, какъ необходимо, чтобы ты теперь же поняла, какъ унижительно и ужасна твоя слѣпота?

Ляля быстро поворачиваетъ голову.

— Слепота? — спрашиваетъ она.

Братъ отворачивается и первое выгибаетъ пальцы.

— Какая сказка? какой сонъ? — отрывисто спрашиваетъ опъ. — О какой «любви» ты говорила? Ты, пожилая, больная, умирающая женщина. И не тебѣ, бѣдной, нужны эти деньги, за которыми ты ѣхала десятки тысячъ верстъ, а кому-то другому...

Опъ машетъ рукой и умолкаетъ. И опять водворяется жуткая, мертвенная тишина.

— Это — ваша правда, — вдругъ утомленно, обиженно и съ дрожью возмущенія въ голосъ говоритъ Ляля. — О, да, я узнаю эту правду! Правда этого голага, безобразнаго дома, полнаго крысъ; правда этихъ скучныхъ, унылыхъ полей, надъ которыми бьются полуголодные, дикіе люди; правда такихъ людей, какъ ты, которые убиты жизнью и метягъ ей тѣмъ, что отрѣшаются отъ нея; правда фанатика, правда изувера. Но это не правда! нѣтъ! Ты говоришь: «это не такъ жестоко, какъ необходимо». Это потому, что жестокость тебѣ необходима! и для тебя и для другихъ. Если вы не будете жестоки къ себѣ и другимъ, у васъ не будетъ смысла жизни. Ты съ чувствомъ исполненнаго долга сейчасъ унижилъ и раздавилъ меня, потому что «можетъ быть, послѣдній взглядъ человѣка на жизнь» ... Можетъ быть! Зачѣмъ вы живете, если жизнь вамъ такъ противна? Зачѣмъ вамъ

спасать свои души, если эти души любят только страдание, а не радость, не восторг, не красоту? Ваша правда... Ваша правда...

Онъ слушаетъ молча и неподвижно, но когда ея голосъ обрывается отъ утомленія и слабости, онъ встаетъ и опять начинаетъ ходить за ея спиной. Въ комнатѣ темнѣе, а въ каминѣ только гряда красныхъ угольевъ и пепла. Плачетъ Ляля? Ничего не слышно.

— Сегодня ты слишкомъ утомлена, — спокойно говоритъ онъ, — а завтра мы подробно переговоримъ обо всемъ, какъ и что я могу для тебя сдѣлать. Будь покойна, Ляля. Все будетъ такъ, какъ ты хочешь. Все...

Не спится. Думается. Только что прошелъ ночной поѣздъ, всколыхнулъ тишину и замеръ вдали. Гдѣ-то далеко-далеко теперь мчится еще другой поѣздъ и тамъ, на мягкой постели купе международнаго вагона безспяно покоится измученное тѣло Ляли. Насколько сократитъ ея и безъ того недолгую жизнь это утомительное, бессмысленное путешествіе?

Передъ отъѣздомъ, радостная, благодарная, сияющая отъ счастья, она принесла ему цѣлую пачку фотографій и когда онъ разсматривалъ ихъ, она ея гордостью объясняла: «это я и мой другъ на террасѣ отеля», «это я и мой другъ на берегу моря», «это я и мой другъ на палубѣ парохода» ... И лицо этого «друга» врѣзалось въ его памяти и теперь точно стоитъ передъ его глазами: очень молодое, очень красивое, очень... отвратительное ему. А она?.. Если бы это была не Ляля, сестра, родная жалкая, любимая, больная, близкая, несмотря ни на что, развѣ бы онъ тоже не нашелъ и ее отвратительной въ ея невпданныхъ имъ туалетахъ, которые не столько одѣвали ее, сколько позволяли ей быть раздѣтой такъ, чтобы это, все-таки, стоило очень дорого?

«Я здѣсь красива, не правда ли?» — спрашивала она.

А когда уже подали лошадей и она вышла на крыльцо, ей вдругъ бросился на глаза флюгеръ на колодцѣ; желѣзный всадникъ на желѣзномъ конѣ. Она увидела его и вскрикнула.

— Скажи! — точно въ испугѣ, быстро спросила она, — скажи! Это тотъ... старый? Это еще тотъ? который всегда?..

— Вспомнили, барышня! — засмѣялся Савельичъ. — Какъ же не тотъ? Тотъ и есть.

Тогда Ляля такъ же испуганно оглянулась и на Савельича и точно только теперь вспомнила и его.

И молча, плача, она обняла его и поцѣловала, а онъ тоже заплакалъ и бережно, слегка пошатываясь, свелъ ее съ крыльца къ экипажу и, подсаживая, поцѣловалъ рукавъ ея шубки.

И вотъ не спится. Думается. Мысли спутанныя. Въ чемъ онъ правъ? Въ чемъ онъ вшповать? Нужна ли жесткая, суровая правда? Убить онъ жизнь, или отрѣшился отъ нея самъ? Гдѣ эта граница, гдѣ жизнь перестаетъ быть душой и душа перестаетъ быть жизнью? Отчего такъ тяжело на душѣ? Такъ тяжело!

А за завѣшеннымъ окномъ сияетъ ночь. Стоятъ пушистыя, полупрозрачныя лиственницы, а надъ бѣлой скамейкой у забора ярко-бѣлая береза бросаетъ черную тѣнь на побѣлѣвшую отъ мороза траву.

Л. А в и л о в а.